

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Д. А. Будюкин

ЦЕРКОВНО-КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КУПЕЧЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В РОМАНЕ И.С. РУКАВИШНИКОВА «ПРОКЛЯТЫЙ РОД»

В статье анализируется описание церковно-коммеморативных практик крупного нижегородского купечества второй половины XIX – начала XX в., принадлежащего к официальной православной церкви, в романе происходящего из этой социальной среды писателя И.С. Рукавишника (1877–1930) «Проклятый род». Снижение церковной коммеморативной активности и религиозности используется писателем для демонстрации упадка описываемой социальной группы.

Ключевые слова: И.С. Рукавишников, «Проклятый род», память, коммеморация, коммеморативные практики, храмоздательство, места погребения, Россия, купечество, православие, религиозность, благотворительность.

Одной из основных христианских религиозных практик является молитвенное поминовение живых и умерших¹. Вокруг него строится совокупность практик, включающих вклады и пожертвования Церкви (как денежных средств, так и различных ценных предметов, в том числе с вкладными надписями), основание монастырей, церквей, приделов и часовен и выбор алтарного посвящения, похоронные обряды и обустройство мест погребения. Все эти практики можно охарактеризовать как церковно-коммеморативные. Основная их цель – способствовать спасению души христианина, однако такая забота о спасении является также источником особого символического капитала, повышая престиж и социальную значимость самого вкладчика и его рода путем установления и трансляции памяти о нем. Религиозная и светская мотивации этих практик тесно взаимосвязаны, и провести четкую границу между ними невозможно, но при этом чрезмерное рвение в церковной коммеморации может расцениваться не как польза для души, а, напротив, как пагубная гордость.

Изучение коммеморативных практик различных социальных групп предполагает использование в качестве источника художе-

¹ Афанасий (Сахаров) 2007. С. 55, 85.

ственной литературы, которая в современной исторической науке используется все чаще². Наряду с нарративными источниками (мемуарами, дневниками, письмами) она образует опорную базу для анализа рассматриваемой проблемы. Эмоциональная окрашенность информации, содержащейся в литературных произведениях, позволяет показать повседневные и, в частности, коммеморативные практики с точки зрения конкретных людей и в их обыденной жизни³.

Главные герои романа И.С. Рукавишников «Проклятый род» (1911–1912)⁴, дети и внуки «железного старика» Якова (их фамилия в тексте романа не называется), являются представителями крупного русского купечества, принадлежат к господствующей православной церкви и в значительной мере имеют прототипами реальных людей из семьи автора. Изображаемые в романе локации в основном соответствуют реальным объектам нижегородской топографии: так, дом-дворец Макара Яковлевича, который его дети называют крепостью – это украшающий Нижний Новгород и в наши дни дворец Рукавишниковых⁵, в котором вырос автор романа. Отражая хорошо знакомые автору реалии, роман «Проклятый род» является, таким образом, очень ценным источником для изучения церковно-коммеморативных практик представителей описываемого в нем социального слоя. При этом он не очень известен и использовался как источник в основном специалистами по локальной истории.

Текст романа начинается с описания смерти «железного старика». Панихида по покойному была отслужена в его доме [Ч. 1. VII]. В его завещании «никакой душевной лирики не вычитали. Ни на бедных, ни на церкви – ничего». «Кое-кто из семейства даже сконфужены были отсутствием в завещании стариковом пункта о церковных жертвах. Очень уж явно рассчитывало духовенство на многие тысячи; и соборное духовенство, и Покровское, и своего прихода, и Печерское, монастырское. Порешили дать. – А то в глаза смотреть совестно будет. Отчислили на всех сто тысяч. Вдова половину дала. Остальное дети поровну. Федор с Вячеславом за спинами старших ругались. Но их не спросили.

² См., напр.: Богданов 2014; Зарубина 2003.

³ Банникова Е.В. 2014. С. 358.

⁴ Рукавишников И.С. 1999. Цитируется по электронной версии: Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. Рукавишников Иван Сергеевич: Сочинения. URL: http://az.lib.ru/r/rukawishnikow_i_s/ (дата обращения: 27 июня 2014 г.).

⁵ Виноградова Т.П., Давыдов А.И., Краснов В.В. 2007.

Отсчитали и с них» [Ч. 1. IX]. Традиционность заботы о душе в виде завещательных пожертвований в пользу церкви подчеркивается впоследствии в случайно услышанном одним из героев романа разговоре незнакомцев: «А духовную они помимо прямых, стало быть, наследников ох как редко. Дробить не обожают. А что ежели на сторону, так только в монастыри, либо в другие какие святые места. Душе, стало, помин и все прочее» [Ч. 3. VIII].

О месте погребения Якова – склепе на кладбище нижегородского Благовещенского монастыря, ставшем впоследствии семейной усыпальницей «проклятого рода» – читатель узнает значительно позже, уже в третьей части романа. Престижное, но внехрамовое захоронение в склепе на кладбище крупного старинного монастыря, расположенного в центре города, соответствует социальным ожиданиям, связанным со статусом покойного и его семьи, и не является чем-либо особенным. Рассмотрев содержание завещания «железного старика» и место его погребения, мы можем охарактеризовать его внимание к церковной коммеморации как невысокое, направленное только на достижение необходимого с точки зрения референтной группы минимума, а иногда недостаточное и для этого.

Сестра Якова Александра, жених которой умер накануне свадьбы, уделяет внимание церковной коммеморации в связи с этой личной трагедией. Ее малолетний племянник Корнута Яковлевич рассуждает о своих перспективах на наследство от родственников: «Тетя Саша вот еще. Ну, да гроши. И те, поди, по монастырям разойдутся...» [Ч. 1. XL].

Дети «железного старика» в отношении церковной коммеморации в целом следуют его примеру. Только самый младший из них, Корнута, горбатый с детства после падения с лестницы, проявляет серьезный интерес к благотворительности, в том числе осуществляемой в пользу Церкви, и коммеморативным практикам. В споре с братом Макаром он отстаивает важность благотворительности, обосновывая ее своей активной гражданской позицией и необходимостью социальной ответственности обладателей крупного капитала: «Мы, граждане, городу родному должны по мере сил на помощь приходить. И это меньшее, к чему нас долг обязывает. А главный наш долг: послужить отечеству. Вот с больницей справлюсь, тогда... ..Польза будет. Обществу польза. А нам благодарность за исполненный долг» [Ч. 2. V]. Однако сразу обращает на себя внимание то, что важную роль в его мотивации играет получение «благодарности» — орденов и чинов, о которых он мечтал с детства, и Макара сразу же отвечает ему: «Не знаю, как кому, а мне этих

побрякушек не надо». Благотворительная активность Корнута является неотъемлемым элементом его общей социальной активности, в которую входят и коммеморативные практики, в том числе церковные, и политическая деятельность – участие в черносотенном движении.

Вот как словами Корнута автор описывает его храмоздательскую деятельность и связанные с ней проблемы: «Церковь у меня при богадельне. И в честь родни все у меня там братья изображены... то-есть, э-э, святые... Ну, и священномученик Корнут. А с Доримедонтом история. В Санкт-Петербурге я заказывал. Ну, все, как надо. А Доримедонта прислали бритого. Ко мне в церковь его преосвященство приехал, э-э, осмотреть, значит, перед освящением храма. Как, говорит, и почему, э-э, мученик Доримедонт у вас, Корнут Яковлевич, бритый написан и в этом, говорит, неподобающем одеянии? Я, говорит его преосвященство, разрешить того не могу. Ну, я тогда телеграмму в Санкт-Петербург. Почему бритый и в неподобающем одеянии? А из Санкт-Петербурга телеграмма: был, пишут, Доримедонт мученик сенатором, а сенаторы все бритые были. А одеяние, пишут, то тога сенаторская. Я к его преосвященству. Так и так. А его преосвященство: нет, говорит; это, говорит, вольнодумство. Был сенатором, но ввержен бысть в тюрьму. И усечен мечем. А в тюрьме, говорит, у него борода отросла. А потому, говорит, не разрешаю. ... Только у меня в воскресенье освящение храма, а вместо мученика Доримедонта пустое место. И нужен мне к воскресенью Доримедонт с бородой и в подобающем одеянии. Размер два с половиной и полтора, и верх полуциркульный» [Ч. 2. XXIX].

Нарочитый, демонстративный характер коммеморации в данном случае не вызывает сомнений, и оговорка «все у меня там братья изображены... то-есть, э-э, святые», конечно, не случайна. Пытаясь восстановить традицию коммеморативного храмоздательства, купец-благотворитель ее конструирует, причем таким образом, что гордость заведомо преобладает над благочестием. Это дополнительно акцентируется анекдотической историей с иконографией малоизвестного святого, изображения которого вообще встречаются редко, а отдельно, без принявших мученичество вместе с ним святых Трофима и Савватия – практически никогда. При этом описываемая практика вполне соответствует контексту эпохи и вряд ли уникальна. Автор умалчивает о посвящении престола церкви, однако известно, что церкви при благотворительных учреждениях в XIX-XX веках часто посвящались патрональным святым храмоздателей.

Великолепное знание автором повседневности описываемой социальной среды делает роман важным источником сведений о малоизвестных и недостаточно изученных аспектах церковной коммеморации. Так, в связи с похоронами Сергея Горюнова, брата жены Макара Яковлевича Раисы, автор словами матери покойного описывает интересную практику: «Гробик-то белый, глазетовый. А покров-то! Покров золотой. Раиса, дочка-благодетельница на покров не поскупилась. Из покрова того отец протопоп с отцом диаконом ризы праздничные пошьют» [Ч. 2. XIX]. Практика пошива богослужебных облачений из покрова с гроба требует дальнейшего изучения, однако не подлежит сомнению то, что в рассматриваемый период она действительно существовала. Так, в построенную в 1897–1900 гг. Троицкую церковь на станции Омск «подарены были... полное золотое парчовое облачение для священника и дьякона, сшитое из покрова с гроба великой княгини Екатерины Михайловны (1900)»⁶. Имевшую место в средневековой Франции традицию пожертвования церкви, где хоронили умершего, куска драгоценной шитой золотом ткани, покрывавшего гроб во время похоронной процессии, отмечает Ф. Арьес, не описывая последующего использования пожертвованной ткани⁷.

Кризис церковной коммеморации закономерно сопровождается кризисом религиозности. Религиозность в романе, как и в реальной жизни, имеет гендерную и возрастную обусловленность: ею отличаются в основном женщины и пожилые люди. Так, теща Макара вдова Горюнова регулярно посещает церковные службы («у поздней <литургии> нынче <в день Илии Пророка> была» [Ч. 3. XVI]). По поводу умирающего сына Сергея ее материнские переживания выражаются в обращенном к дочери Дороее высказывании: «Без покаяния умирает. Без покаяния. Церковь заступницу усердную отринув рукой грешной. Пред людьми сын меня опозорил навек. И душу свою погубит. Погубил уж! Погубил уж!» [Ч. 2. XVIII]. Принимая у себя старшую дочь, вдову Макара Яковлевича Раису, «крестное знаменье творила старуха и вздыхала шумно, на диване сидя, и взглядывала на сверкание оклада золотого иконы тяжелой всех святых, под потолком в углу» [Ч. 3. XVI]. Интересно, что культ Всех Святых тесно связан с поминовением усопших⁸, и кладбищенские церкви часто бывают Всесвятскими. В православии

⁶ Лебедева Б.г.; Батурич, Батурина 2012. С. 60.

⁷ Арьес 1992. С. 170.

⁸ Сукина 2006. С. 273.

суббота является днем, избранным Церковью «для воспоминания всех Ее чад, почивших от земных трудов, как тех, кого Она имеет в числе своих святых молитвенников, так и всех остальных, хотя и грешных, но в вере поживших и в надежде воскресения скончавшихся»⁹, что связывает Всесвятский культ с поминальным. В католической традиции день Всех Святых является основным днем поминовения умерших.

Жена Макара Раиса, супружескую жизнь которой трудно назвать счастливой, также находит утешение в религиозности. Однако она сталкивается с неожиданным для читателя затруднением: во дворце Макара, который «велик и прекрасен. <...> И во дворце сто комнат. И зала в два света. И лестница-мрамор – какого нет нигде. И будет дворец тот стоять ровно миллион» [Ч. 1. X], не предусмотрено место для молитвы. Поэтому в результате возникает странная картина: «Комната умывальная зовется также и моленной. Когда, давно уже, церковное стало первым утешением хозяйки дома, потекли в дом иконы, лампадки, благословения жертвовальнице иноков, инокинь, иереев близких и дальних. Негде было в спальном покое мраморном киоты наставить. И нельзя. К стилю не подходит. В умывальную комнатку ставили, развешивали. И давно та комнатка как часовня. И большой беломраморный умывальник, в стенную нишу вделанный, как алтарь часовни той. Но странно, входя в ту часовню и затворяя за собою дверь, видеть во всю дверь то зеркало, тщетно ищущее отразить тело нагое» [Ч. 2. VIII]. Очень интересная сцена, показывающая место сакрального в Макаровом дворце, происходит во время собрания родственников после его смерти: «Но вот <Раиса> повела чуть голову вправо. Еще, еще. И подняла глаза. И остановила. И за взором ее поглядел туда в угол и Виктор. Меж двух амуров голых, толстоногих – лик Спаса. Маленький, строгий, незаметный. И глядя в очи строгие так же чуть качала головой Раиса Михайловна» [Ч. 3. XXVI].

Религиозен и Семен Яковлевич, ставший после смерти «железного старика» руководителем семейного дела. В его доме «иконы близко, в том вон углу. Орехового дерева киот» [Ч. 2. XXVII]. Тем не менее религиозность не помешала ему вступить в греховную связь с не менее религиозной женой брата Раисой во время паломнической поездки к чудотворной иконе [Ч. 1. XXXIX].

И все же для большей части персонажей романа религиозные чувства несвойственны и чужды. Обращает на себя внимание существенная

⁹ *Афанасий (Сахаров)* 2007. С. 102-103.

деталь, характеризующая уровень религиозной культуры как представителей «проклятого рода», так и их непосредственного окружения. В комнате Антона Макаровича «на крючке, в середине потолка, вместо лампы висит голубь, святой дух; он большой, деревянный, золоченый. Еще Виктор снял его из алтаря старой лазаревской церкви; поп уступил голубя. Долго голубь висел в церкви, теперь его крылья широко распахнулись под тяжелым серо-красным потолком, и он едва не касается когтями головы Антона, когда тот проходит под ним» [Ч. 2. VIII]. Первый раз пришедшая в «крепость» сестра Раисы Дорофея Горюнова «под потолок на голубя золоченого глядит» [Ч. 2. XXV], не выражая удивления и не задавая вопросов. Новый хозяин семейного дела Константин Макарович (названный здесь Яковлевичем) приказывает убрать голубя [Ч. 3. XI]. Старая экономка прячет его и привозит в усадьбу к Виктору Макаровичу, который выменивает на него у старика-старовера сундуки со старинными предметами для обустройства им дома.

Здесь голубь впервые получает определение словами Виктора: «дароносица хороша была» [Ч. 3. XI]. Это определение ошибочно: дароносица (ковчежец для переноса Святых Даров с целью причащения больных вне храма) не может быть сделана в виде голубя и подвешена к потолку. В действительности голубь – это дарохранильница, стационарный ковчег, в котором Святые Дары хранились в алтаре церкви. Часто встречающийся тип русских дарохранильниц XVI-XVIII вв. выполнен в виде серебряного, медного или деревянного позолоченного полого голубя, подвешиваемого в алтаре храма под сенью над престолом, подобно дарохранильницам, производившимся в XIII в. в мастерских Лиможа¹⁰. Три серебряных дарохранильницы этого типа конца XVII – начала XVIII вв. находятся в собрании музеев Московского Кремля¹¹. Как дарохранильница, так и дароносица являются священными сосудами, вмещающими в себя Святое Тело и Кровь, и тем самым их безусловно запрещено употреблять на житейские нужды. Как гласит 73-е Апостольское правило: «Сосуд златый, или серебряный освященный, или завесу (покрывало), никто уже да не присвоит на свое употребление. Беззаконно бо есть. Аще же кто в сем усмотрен будет, да накажется отлучением». По 10-му правилу Двукратного Собора «те, кои святую чашу, или дискос, или лжицу, или досточтимое облачение тра-

¹⁰ Игошев 2009. С. 143-145.

¹¹ Костина 2003. С. 459-461. Кат. № 389, 390. Сохраненные святыни... 2001. С. 185. Кат. № 59.

пезы, или глаголемый воздух, или какой бы то ни было из находящихся в алтаре священных и святых сосудов или одежд, восхитят для собственной корысти, или обратят в употребление не священное, да подвергнутся совершенному извержению из своего чина»¹². Следовательно, в отношении голубя только поведение Константина можно назвать относительно нормальным – потому относительно, что священный предмет следовало бы передать в церковь, а не убрать с глаз долой.

При этом представители купеческого рода в романе используют в повседневной речи цитаты из богослужебных текстов, что свидетельствует об их глубокой неосознаваемой включенности в традиционную православную культуру. Корнут говорит о своей предполагаемой невесте: «Разве я ее фамилию приму? ... Да ее кличка аки воск от лица огня...» [Ч. 2. X], неточно цитируя молитву Животворящему Кресту и 67-й псалом, входящий в пасхальные песнопения. Даже очень далекий от религиозности Виктор говорит о России словами из ектении: «изводят здесь люди сами себя и друг друга и весь живот свой... или как это повашему» [Ч. 2. XXV]. Принадлежность к православию здесь именно неосознаваемая, ничего сама по себе не говорящая о действительной религиозности, и, если Корнут просто употребляет слова молитвы всуе и не совсем к месту, то Виктор полностью выворачивает их смысл.

Кризис и деградация церковно-коммеморативных практик описываемых в романе представителей крупного русского купечества дополнительно акцентируется особенностями художественного текста романа. Как отмечает В.Ю. Лебедева, «когда в произведении поднимается проблема метафизического распада, часто особая роль отводится организации пространства. Оно структурируется таким образом, чтобы смертность стала его смысловой доминантой. Некропространство показывает, какая сила правит в нем, и, более того, вступает во взаимодействие с персонажами. При этом наблюдается именно взаимное воздействие – не только зона смерти влияет на героев, но и они способны окрашивать окружающий их мир в тона своего внутреннего состояния»¹³. В тексте романа И.С. Рукавишникова смертность обращает на себя внимание сразу, являясь одной из основных характеристик пространства «Проклятого рода».

В романе, в котором образы смерти занимают место, заметное до навязчивости, нигде, ни разу не описываются в настоящем времени

¹² *Цытин* 2004. С. 604.

¹³ *Лебедева* 2012. С. 41.

чьи-либо похороны. Фрагменты сцен похорон возникают в воспоминаниях героев, развернутая сцена еще не состоявшихся похорон Макара Яковлевича предстает в воображении Корнута – и все. Между тем похороны являются важнейшим обрядом перехода¹⁴, своего рода границей между миром живых и потусторонним миром. Устранение этой границы открывает мир живых присутствию смерти, которое у Рукавишникова материально и ощутимо. «Смерть, задумчивые песни в веках поющая, Смерть медлительная, Смерть-придумщица» [Ч. 2. I] «ходит за стенами» [Ч. 2. VIII], шутит, смеется весело [Ч. 2. IX], «продовывает рожу свою Смерть-скелет» [Ч. 2. X].

Важную роль в конструировании некропространства, в котором существуют герои романа, играет комната Антона, та самая, в которой висит голубь. Это помещение, которому «строитель назначил ... быть кабинетом хозяина-дельца», имеет своеобразный и совершенно не жилой вид (прообраз этой комнаты со всеми характерными особенностями интерьера существует во дворце Рукавишниковых и сейчас). «Она низкая, эта комната. Пол ее квадратный. Десять шагов и десять шагов. Встав на стул, можно достать рукою потолок. <...> Три окна в одной стене, три окна с цельными стеклами. Напротив среднего окна камин, черный, мраморный, и он украшен черною мраморною головой льва. Этот лев злой, зубы его оскалены. Черным мрамором охвачена вся комната снизу до высоты пояса. И только черный камин выступает за эту черту, и единственная дверь, тяжелая, черного дерева, блестящая. Обе створки ее плотно закрыты, и с них смотрят в комнату рожи черных стариков. Над черным поясом мрамора тяжелые алебастровые орнаменты серо-красного цвета, сплошь до потолка. А в углах, близко к потолку, громадные головы львов. Эти львы угрюмые, в крепко сжатых пастях своих они держат гирлянды цветов. А тяжелый серо-красный потолок на серо-красных стенах давит и их, и Антона, потому что серо-красные орнаменты его так крупны, так тяжелы, что могли бы быть в куполе собора. Антон же может дотронуться до них, встав на стул» [Ч. 2. VIII]. Комната сразу же характеризуется автором как склеп (это ее определение повторяется в тексте многократно), и не случайно, что именно в ней Антон впоследствии выстрелит в себя из пистолета и уже не оправится от полученной раны. Кровать Раисы Михайловны дважды названа саркофагом [Ч. 2. VIII; Ч. 3. X]. Дворец-крепость, масштабный и роскошный, весь приобретает черты некропространства – неуютного, холодного, давящего, созданного не для жизни.

¹⁴ Геннеп 1999. С. 134-150.

Потомков «проклятого рода» некропространство сопровождает и за пределами родных мест. Младшая дочь Макара Ирочка, страдавшая в подростковом возрасте тяжелым нервным расстройством, а затем увлекшаяся революционной деятельностью и состоящая в противостественной связи со своей подругой Валей, живет в Москве в Мертвом переулке [Ч. 3. IX]. Особенно многочисленные маркеры смертности связаны с Виктором Макаровичем, художником-декадентом, который еще в молодости убежал из дома за границу и тем самым, казалось бы, должен был освободиться от мертвящей власти дворца-«крепости». Но некропространство сопровождает его повсюду и, более того, создается им. В Венеции, «мраморно-мертвом городе на водах» [Ч. 2. XIII], любовница Виктора Юлия говорит ему: «И ты за год мертвый стал. Еще более мертвый» [Ч. 2. XVI].

Унаследовав после смерти отца усадьбу Лазарево, Виктор затевает в ней масштабное переустройство, пытается сделать дом и парк пространством памяти. В соответствии с модными тенденциями своего времени он обращается к традиционной русской культуре, осуществляя в поместье, словами своего друга Степана, свои «мечты ... Эти скамьи дубовые, писанные изразцы, ковры, паникадилы...» [Ч. 3. XI]. Главным его делом становится создание средствами искусства мемориала покойному брату Антону и всему «проклятому роду» – картины «Последний в роде». Чтобы рисовать с натуры, он изготавливает восковую фигуру брата и увешивает стены мастерской фотографиями родственников. На готовой картине «Точно, верно изображен на картине восковой юноша-брат. ... Но сидит юноша не в этой низкой комнате со светлыми стенами. Темный старый дуб, позолота рам. Сидит последний в роде в комнате башни многоугольной. На стенах портреты предков. В бархат, в шелк, в сталь лат одел Виктор родичей своих, по стенам замковой башни развесил портреты» [Ч. 3. XII].

Однако пространство памяти становится некропространством. Виктор «почувствовал душу свою и жизнь свою мертвым прудом, зеленым, заглатывающим, мертвым молчанием отвечающим говору живого леса и свисту-хохоту далекого неба» [Ч. 3. V]. «Второй этаж лазаревского старого дома и торжественно-праздничен, и беззвучно мертв» [Ч. 3. XIX]. Осмотрев мастерскую-мемориал, Степан говорит Виктору: «Бежим из этого склепа!» [Ч. 3. VIII]. В усадебном доме Виктору чудятся летающие нетопыри, и он говорит восковой статуе брата: «Ты, Антошик, счастливый. Не к тебе они. Ко мне налетели. А может быть и к тебе? Как думаешь, братик? Ах, Антошик, что я

вспомнил. Книгу я читал пророка древнего. Слушай, слушай. Вот. “Вы заключили союз со смертью и с преисподнею сделали договор...” <[Ис. 28:15]> Так, Антошик, так. Не про нас ли то...» [Ч. 3. XXXVII]. Семейные узы разрываются, и Корнут Яковлевич в своем завещании оставляет весь свой капитал на Церковь и благотворительность: «Родственникам? Это кому же например? Ни копейки. И никакого такого пункта не будет. Нет у меня достойных родственников» [Ч. 3. XXXV].

Коммеморативная традиция в христианстве базируется на евангельском постулате: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» [Лк. 20:38]. Ее сущность состоит в сохранении живой памяти и в одухотворении потустороннего мира. Живые и мертвые молятся друг за друга и способны друг другу помочь. Распад этой традиции является важнейшим фактором деградации основанных на христианской традиции социальных общностей, и поэтому этнографически точные зарисовки упадка коммеморативных практик и благочестия в романе Рукавишников становятся маркером упадка и распада купеческой семьи и купечества в целом, показанного как торжество смерти.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аръес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. 528 с.
- Афанасий (Сахаров), свт.* О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви. М.: Сатисъ, 2007. 330 с.
- Банникова Е.В.* Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб.: Полторацк, 2014. 440 с.
- Батурич С.П., Батурина Т.В.* Роль благотворительного фонда имени императора Александра III в церковном строительстве в Сибири в период массовых крестьянских переселений в конце XIX – начале XX века // Социогуманитарный вестник. 2012. № 2 (9). С. 59-67.
- Богданов В.П.* Благородное сословие в XVIII – начале XX в.: дворянские образы в русской литературе // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 398-315.
- Виноградова Т.П., Давыдов А.И., Краснов В.В.* «Тайна» дворца Рукавишниковых на Верхневолжской набережной // III Музейные научные чтения «Мир русской усадьбы»: сборник материалов. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2007. С. 89-101.
- Геннеп А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. 198 с.
- Зарубина Н.Н.* Российский предприниматель в художественной литературе XIX – начала XX в. // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 101-115.
- Игошев В.В.* Драгоценная церковная утварь XVI–XVIII веков. Великий Новгород. Ярославль. Сольвычегодск. М.: Индрик, 2009. 728 с.
- Костина И.Д.* Произведения московских серебряников первой половины XVIII века: каталог. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2003. 519 с.
- Лебедева В.Ю.* «Машенька» В. Набокова и «Суходол» И. Бунина: поэтика некропространства // Philologos. 2012. № 15 (4). С. 41-46.

- Лебедева Н. История омских храмов: Лучший храм Транссоба – Свято-Троицкая церковь на станции Омск. [Электронный ресурс]
URL: <http://www.omsktime.ru/projects/church/troick.html>.
- Рукавишников И.С. Проклятый род: роман. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, Покровка, 1999. 624 с.
- Сохраненные святыни Соловецкого монастыря: каталог выставки. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2001. 300 с.
- Сукина Л.Б. Князь И.П. Барятинский – донатор Троицкого Данилова монастыря (к вопросу о личности вкладчика второй половины XVII в.) // История и культура Ростовской земли. 2005. Ростов, 2006. С. 271-280.
- Цыпин В., прот. Курс церковного права. Клин: Христианская жизнь, 2004. 704 с.

BIBLIOGRAFIJA

- Ar'es F. Chelovek pered licom smerti. M.: Progress, 1992. 528 s.
- Afanasij (Saharov), svt. O pominoventii usopshih po Ustavu Pravoslavnoj Cerk-vi. M.: Satis#, 2007. 330 s.
- Bannikova E.V. Povsednevnaia zhizn' provincial'nogo kupechestva (na materialah gubernij Urala doreformennogo perioda). SPb.: Poltorak, 2014. 440 s.
- Baturin S.P., Baturina T.V. Rol' blagotvoritel'nogo fonda imeni imperatora Aleksandra III v cerkovnom stroitel'stve v Sibiri v period massovykh kre-st'janskikh pereselenij v konce XIX – nachale XX veka // Sociogumanitarnyj vestnik. 2012. № 2 (9). S. 59-67.
- Bogdanov V.P. Blagorodnoe soslovie v XVIII – nachale XX v.: dvorjanskije obrazy v russkoj literature // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 46. S. 398-315.
- Vinogradova T.P., Davydov A.I., Krasnov V.V. «Tajna» dvorca Rukavishnikovyh na Verhnevolszhskoj naberezhnoj // III Muzejnye nauchnye chtenija «Mir russkoj usad'by»: sbornik materialov. Nizhnij Novgorod: DEKOM, 2007. S. 89-101.
- Gennep A. Obrjady perehoda. Sistematischeskoe izuchenie obrjadov. M.: Izd. firma «Vost. lit.» RAN, 1999. 198 s.
- Zarubina N.N. Rossijskij predprinimatel' v hudozhestvennoj literature XIX – nachala XX veka. // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2003. № 1. S. 101-115.
- Igoshev V.V. Dragocennaja cerkovnaja utvar' XVI–XVIII vekov. Velikij Novgorod. Jaroslavl'. Sol'vychevodsk. M.: Indrik, 2009. 728 s.
- Kostina I.D. Proizvedenija moskovskih serebrjanikov pervoj poloviny XVIII veka: katalog. M.: GIKMZ «Moskovskij Krem'l'», 2003. 519 s.
- Lebedeva V.Ju. «Mashen'ka» V. Nabokova i «Suhodol» I. Bunina: pojetika nekroprostranstva // Filologos. 2012. № 15 (4). S. 41-46.
- Lebedeva N. Istorija omskih hramov: Luchshij hram Transsoba – Svjato-Troickaja cerkov' na stancii Omsk. URL: <http://www.omsktime.ru/projects/church/troick.html>.
- Rukavishnikov I.S. Prokljatyj rod: roman. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaja jarmarka, Pokrovka, 1999. 624 s.
- Sohrannennye svjatyne Soloveckogo monastyrja: katalog vystavki. M.: GIKMZ «Moskovskij Krem'l'», 2001. 300 s.
- Sukina L.B. Knjaz' I.P. Barjatinskij – donator Troickogo Danilova monastyrja (k voprosu o lichnosti vkladchika vtoroj poloviny XVII v.) // Istorija i kul'tura Rostovskoj zemli. 2005. Rostov, 2006. S. 271-280.
- Cyпин V., прот. Курс церковного права. Клин: Христианская жизнь, 2004. 704 с.

Будюкин Дмитрий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; boudukin@yandex.ru

The religious commemorative practices of the merchants of the second half of 19th – early 20th c. in I.S. Rukavishnikov’s novel “The Damned Family”

The article deals with the description of religious commemorative practices of the prominent merchants of Nizhnii Novgorod in the second half of 19th – early 20th centuries who belonged to the Orthodox Church, in the novel “The Damned Family” by I.S. Rukavishnikov (1877-1930), the writer who came from this milieu. The depiction of decline of religious commemorative activity and piety is used by the writer to demonstrate the decay of the described social group.

Keywords: I.S. Rukavishnikov, “The Damned Family”, memory, commemoration, commemorative practices, church foundation, places of burial, Russia, the merchants, Orthodoxy, piety, charity.

Dmitri A. Budiukin, PhD, *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*, Associate Professor, Department of Humanities and Natural Science, Lipetsk Branch; boudukin@yandex.ru